

РАЗДЕЛ 1

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

УДК 378

М.Б. Садыков, Ф.Ф. Серебряков, М.Д. Щелкунов

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Становление университетов.

Предыстория и история становления и развития университетов как образовательно-научных учреждений в Западной Европе (и в мире вообще) восходит к эпохе позднего средневековья. Еще в XI веке в Италии открывается Болонская Высшая Школа, вскоре (1158 г.) получившая название университета - первого в мире.

Довольно скоро открываются Оксфордский (вторая половина XII века) и Кембриджский (1209 г.) университеты в Англии, Парижский (1215 г.) во Франции, Неаполитанский (1224 г.), Римский (1303 г.) в Италии, Саломанский (1218 г.) и Вильядолидский (1346 г.) в Испании, Лиссабонский (1290 г.) в Португалии, Пражский (1348 г.) в Чехии, Краковский (1346 г.) в Польше, Венский (1365 г.) в Австрии, Гейдельбергский (1386 г.) в Германии.

В последующие столетия в Европе, а потом США, Южной Америке, странах Востока и Азии открываются университеты - где-то на базе различных высших школ, а где-то лицеев, колледжей.

Университеты становятся основным средоточием высшего, наиболее престижного образования и со временем - крупными центрами научных исследований и развития культуры.

Разумеется, начальные этапы становления и развития университетов не были лишены трудностей разного рода, обусловленных как процессами их роста, так и особенностями самой исторической эпохи: наслоениями различных типов культур, ментальностью общества, традициями науки и в целом «историческими зигзагами» общественного развития.

Наиболее мощным катализатором, способствовавшим появлению и утверждению университетов во всех странах, были зарождавшиеся новые общественные отношения, рост городов, промышленное производство, глубинные потребности просвещения, дальнейший подъем культуры, то есть все те основания, которые не могли не будировать огромную тягу тогдашнего общества к фундаментальному образованию людей, познанию природных и социальных явлений и процессов.

Обозначая истоки и традиции культуры, вбиравшиеся открывающимися университетами, нельзя не заметить значительного влияния на них древнегреческого принципа пайдеи, воплощавшего в себе единство образования и воспитания, идеалы целостного и гармоничного развития личности (Академия Платона, Ликей Аристотеля). «Пайдеия» не столько образование (в современном смысле слова), сколько его реализация, осуществление знания, претворение его в жизнь. Мудрость поэтому заключается не в наборе знания, а в умении жить и быть полезным, то есть добродетельным (в античной этике «арете» - добродетель разного рода искусства, способность строить и конструировать). Самой же добродетели научить нельзя, можно только самому научиться (Платон).

Университеты позднего средневековья несли в себе «воспоминания» о древнегреческой пайдеи, но эта историческая память в какой-то мере постепенно утрачивала свою значимость и востребованность, однако, не сошла и не могла сойти полностью на нет. Слишком привлекательными были парадигмы образования и воспитания, выработанные греками.

Возникновение и функционирование европейских университетов проходило не без влияния на формирование их структур, выработанных ранними и зрелыми институтами схоластики интеллектуально-рационалистических навыков, принципов, ориентаций, процедур, формально-логических приемов, лежащих в основании познавательных процессов. Влияние указанных феноменов было противоречивым: с одной стороны, схоластика не могла не нести в себе выработанных веками достижений в духовной сфере и культуре, а с другой, - включала в себя в немалой степени христианскую ортодоксию, философское

обоснование религиозной догматики, что не способствовало развитию естественнонаучных и гуманитарных знаний, их обновлению и приращению.

В связи со сказанным первые университеты некоторое время находились, образно говоря, между молотом и наковальней: на них стремились оказать решающее влияние либо католическая церковь, либо королевская власть, нередко враждовавшие между собой. Церковь стремилась по вполне понятным причинам утвердить свою монополию на образование, укрепить в сознании молодежи религиозное мирозерцание, а королевская власть хотела видеть в университетах пути и гарантии формирования у человека приверженности светским интеллектуальным очагам культуры, подготовки специалистов для службы во власти.

Хотя университеты с первых лет своего существования обладали известной административной автономией и юрисдикцией, собственными уставами, тем не менее противостояние церкви и светской власти не могло не сказываться на их статусе, содержательных сторонах их деятельности независимо от того, кто являлся изначально основателем университетов - королевская или церковная власть. Не только в начальные периоды существования университетов, но и в последующем, вплоть до наших дней, влияние светской и церковной властных инстанций на их деятельность были переменчивым. То одна, то другая из них оказывались доминантной. Попытки полного подчинения себе университетов, создание в них теологических факультетов или отделений, стремление полного разграничения светского и теологического образования в эпоху Возрождения и позже - все это зримые вехи в развитии университетов, тенденции, которые порождались особенностями исторического развития конкретно взятого общества.

2. Классические университеты.

Другой определяющей специфической чертой западно-европейских университетов стало то, что они создавались и в дальнейшем укреплялись в своем статусе как высшие учебные заведения особого, классического типа.

Еще В.Гумбольдт в свое время определил университет классического типа как «элитарное высшее учебное заведение, в котором обучение студентов и научные исследования находятся в неразрывном единстве при обеспечении свободы обучаемого и обучающего со стороны государства¹». Главное в гумбольдтовской модели - синтез науки и образования при условии университетской автономии, включающей полную академическую свободу.

¹ См.: Университет. Общество. Человек. - Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2003. - С.48-49.

Классические университеты отличаются от возникавших в разное время других вузов - отраслевых, политехнических, индустриальных институтов, учебных академий, высших училищ - по целому ряду имманентно присущих им признаков.

Классические университеты - это прежде всего учебно-научные заведения, имеющие, как правило, длительную историю своего существования (порядка столетий). В них накоплены глубинные традиции обучения, научных исследований, которые пронизывают все стороны университетской жизни, формируют особую атмосферу университетского сообщества.

В самом деле, университет (от латинского «университас») означает сообщество, общность людей. Классические университеты возникали и развивались как определенные корпорации объединившихся людей по их потребностям, жизнеобеспечивающим ценностям, образовательным интересам. Все это фиксировалось в университетских уставах. Обладая в той или иной мере автономией от властей, университеты представляли своего рода «государство в государстве», что нередко приводило даже к конфликтным ситуациям с органами власти. Свободомыслие, независимые суждения студентов и профессуры по важным вопросам социально-культурного и политического развития общества были нередкими в университетах.

Неспроста и сегодня многие видные государственные и политические деятели не чураются возможности выступать в университетской аудитории, озвучивая свои программы, как бы сверяя свои взгляды и ориентации с мнением университетской общности.

Другая особенность классических университетов в том, что они во многом остаются и сейчас центрами прежде всего теоретического образования. Так, во Франции, например, 85% всех студентов сосредоточено именно в этих вузах; в Великобритании большинство абитуриентов пытаются поступить именно в классические университеты. Аналогичная ситуация и в большинстве остальных западноевропейских стран.

Уже в первых европейских университетах образовательные программы предполагали обучение студентов на факультете так называемых свободных искусств (в дальнейшем философском факультете), где осваивали риторику, логику, диалектику, математику, грамматику, астрономию. На высших факультетах изучали право, медицину, богословие.

В последующем наборы учебных дисциплин постоянно расширялись, университет становился все более многопрофильным.

Университетское образование, которое отличается фундаментальностью, широтой, поли- и междисциплинарностью, специализациями по новейшим направлениям нау-

ки, ориентировано, помимо профессиональной подготовки, на формирование способности «учиться», в том числе самообразовываться, способности к концептуализации новых массивов информации, в отличие от неуниверситетских форм высшего образования, нацеленных прежде всего на освоение некоей суммы узкопрофессиональных знаний и навыков.

В университетах сбалансированно представлены естественные и гуманитарные науки и соответствующие факультеты, отделения, кафедры. Здесь, как в сообщающихся сосудах, возможны переливания из одних областей науки и учебных дисциплин в другие, имеются благоприятные условия для участия в стыковых, пограничных исследованиях. Студенты и аспиранты, не замыкаясь учебными планами и программами своих «родных» факультетов, в состоянии окунуться в поле знаний истории, культуры, литературы, языка, права и равным же образом - в интересующие их природоведческие или точные науки.

Подобные возможности в университете, как ни в каком другом вузе, позволяют реализовать принцип фундаментальности образования. Прорыв узких горизонтов профессиональных знаний позволяет формировать у молодежи всеохватывающее видение природных и социальных явлений, постоянно расширять в умах контуры мироздания, создавать в сознании студентов широкую мировоззренческую панораму.

Хорошо известно, что в прошлом и теперь крупные философы, историки, правоведы, филологи нередко помимо «своей» науки осваивали и определенные пласты математических и естественнонаучных знаний. Вместе с тем и естествоиспытатели испытывали непреодолимую тягу к гуманитарным наукам, знаниям о человеке и его духе.

Еще одна определяющая особенность университета классического типа - характер сочетания в нем фундаментальных и прикладных научных исследований. Университет с некоторых пор стал и по настоящее время остается центром научной деятельности ученых, где доминанту составляет как раз фундаментальная наука. Это находит свое отображение в структурах факультетов и отделений, а также в создававшихся уже в новое время при университетах научно-исследовательских лабораториях и институтах.

Университет классического типа всегда являлся исключительным средоточием гуманитарного образования и соответствующих исследований. Да, существуют высшие учебные заведения, не являющиеся университетами, но имеющие общую гуманитарную направленность своей деятельности. Чаще всего это узкопрофессиональные образовательные учреждения: педагогические, правоведческие, искусствоведческие, культуроведческие, в которых обучение строго специализировано, направлено на подготовку людей к деятельности в какой-то конкретной сфере жизни.

Разумеется, подготовка по гуманитарным специальностям в университетах и однопрофильных вузах по содержанию учебных курсов, методикам обучения в чем-то может пересекаться, взаимодополняться. Во всяком случае, здесь речь идет не о признании некоей ущербности неуниверситетского гуманитарного образования. Отнюдь. Мы стремимся лишь отстоять идею о том, что гуманитарная подготовка в университетах в силу наработанных исторических традиций всегда основывается на изучении основополагающих классических отраслей знаний - истории и филологии, юриспруденции, философии, религиоведения, логики и других наук, обладающих большим диапазоном видения и освоения социальной действительности, познания человека.

Статус классического университета необходимо дополнялся признанием его как своеобразного домена - вместилища, создателя, пользователя и распространителя высокой культуры.

Выполняя свою главную миссию - подготовку специалистов высшей квалификации, университет не может не быть средоточием культуры в широком ее значении как меры человеческой духовности. Объяснение такой дуальности университета достаточно прозрачно:

во-первых, научные исследования профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов составляют неотъемлемую часть того, что принято называть духовной культурой общества;

во-вторых, сама познавательная-педагогическая деятельность, равно как процесс усвоения студентами знаний, открывает предельно широкие возможности приобщения их к отечественным и мировым культурным ценностям.

Многопрофильная структура классического университета делает его настоящим центром культуры не только для его питомцев, но и для тех, кто находится вне его стен и как бы получает мощные импульсы культурно-цивилизационного заряда от университета. Не случайно распространено мнение, что не столько город или регион определяет облик находящегося на его территории университета, сколько наоборот: каков университет, таков город или даже страна.

Таким образом, классический университет - это высшее учебное заведение особого типа, характеризующееся внутренне, необходимо присущими ему особенностями, отражающими путь его зарождения и развития на протяжении почти одной тысячи лет.

3. Основные факторы эволюции университета.

Университеты как учебно-научные центры следует рассматривать в контексте их постоянного развития, эволюции. Классические университеты староевропейского типа и современные университеты не одно и то же. Объединяясь по сходству в основных чертах и признаках, они, естественно, отличаются по своим характеристикам. Тем более, что вторая половина прошлого столетия создала и вновьявленные университеты, нередко лишь по своему наименованию относящиеся к данному типу высших учебных заведений.

Университеты всегда испытывали воздействие факторов и условий общественного свойства. Их влияние оказывалось в одних случаях непосредственным, в других - опосредованным.

В наиболее общем виде университеты возникали и развивались на основе требований, порождавшихся самой исторической эпохой. В этом смысле можно сказать, что университеты - это продукт, результат, детище самой эпохи, тех реалий социальной действительности, которые предопределили появление первых высших учебных заведений. Потребности рыночных отношений, обоснование использования результатов великих географических открытий, обеспечение правоведами судопроизводства, подготовка государственно-управленческих специалистов (чиновничества), деятелей искусства и культуры - вот лишь неполный перечень тех социальных позывов, которые возбудили необходимость университетов и под воздействием которых происходила их эволюция в последующем. Если философия, по Гегелю, есть эпоха, схваченная в мысли, то университет - это эпоха, утверждающаяся в высшем образовании и научных исследованиях.

Переломным этапом в этих изменениях, как уже отмечалось, стала эпоха западноевропейского Возрождения, когда светское образование получило статус автономности, раскрепостилось от удушающих объятий церкви, вышло на просторы гуманизации образования, ориентации личности на творческие направления ее самоутверждения, свободного и всестороннего развития.

Но и по прошествии этих исторических полос развития университетов получение знаний, хотя бы в рамках теологического образования, не утратило своего значения как в прошлом (разработка серьезных научных проблем в математике, физике, химии (алхимии), механике на теологических факультетах), так и в современных университетах. Причем независимо от светского или теоцентристского типа мировоззренческой ориентации носителей этих знаний - преподавателей, ученых.

Высказанные здесь суждения об университетском образовании и науке укрепляют нас во мнении, что теологическую составляющую университетского образования и науки,

как раньше, так и теперь, следует рассматривать в качестве одного из важнейших факторов поступательного движения университетов.

Другим, важным и во многом определяющим условием эволюции университета в Европе, является фактор науки, научных знаний как фундамента университетского образования. Ведь для того, чтобы обучать студентов, необходимо знать, чему обучать. А это опирается в наличествующие знания.

Научные знания составляют живую ткань образовательного процесса. Без науки и вне органической связи ее с задачами подготовки специалистов высшей квалификации немыслимо представить классический университет. Как при учреждении исторически первых университетов, так и в последующем, в эпоху нового и новейшего времени, они нередко испытывали огромные трудности с поисками носителей знаний, в первую очередь профессоров и преподавателей по ряду отраслей знаний. Порой поэтому кафедры и факультеты возглавляли случайные люди, не имеющие глубокой специальной подготовки, но отвечающие другим, весьма далеким от университетских требований, показателям - личностным, политическим, идеологическим и т.п. В отдельных случаях даже учебные программы принимались не исходя из актуально достигнутых в мире научных знаний, а сообразуясь с наличным де-факто составом преподавателей.

Проблема обеспечения университетов высококвалифицированными преподавателями и сегодня остается не до конца разрешенной, поскольку университет - живой, постоянно развивающийся организм, включенный всегда и во всем в условия постоянно изменяющейся социальной реальности. Далеко не случайным в этой связи в практике университетского образования остается институт «гест-профессора», то есть приглашенного специалиста со стороны для чтения базовых и специальных курсов, проведения спецсеминаров, руководства квалификационными работами.

Высокий научный и педагогический потенциал преподавательского состава - важная, но не единственная сторона вопроса о неразрывной связи образования и науки в условиях университета. Другой стороной является взаимопроникающее единство процессов оснащения студентов знаниями и постоянной включенности преподавателей и обучающихся непосредственно в научно-исследовательскую деятельность. Преподаватель, отрешившийся от научной деятельности, - скорее нонсенс, чем правило в университетских условиях. Другими словами, в классических университетах образование и участие в научных исследованиях - это единый органический процесс.

Понимание этого обстоятельства достаточно ясно: преподаватель не может ограничиться ролью только транслятора знаний, он сам должен их продуцировать, ощущать пульс развивающейся науки.

Рассматриваемая ситуация единства образования и науки во многом несет в себе идеализированные представления. В практике деятельности университетов не все так просто, однолинейно. И сам образовательный процесс, и включенность ученых и студентов в науку сложны и неоднозначны, многое зависит от конкретных условий и обстоятельств жизни университетов, интеллектуальных потенциалов обучающихся и обучаемых. Вместе с тем нельзя не признать принципиальность указанного единства, которое не должно заслоняться никакими иными привходящими факторами и обстоятельствами.

В идеале не только преподаватель, но и студент не может стоять в стороне от исследовательской деятельности. В преодолении догматизма образования (то есть понимания последнего лишь как способа усвоения определенной суммы знаний) важную роль играет «студенческая» наука. История классических университетов дает немало материала, свидетельствующего о плодотворных научных результатах, достигнутых молодыми людьми именно на студенческой скамье.

О включенности классических университетов в научную деятельность говорит и их структура. Помимо отделений и факультетов, они вбирают в себя собственно научные учреждения - лаборатории, исследовательские группы, сектора и даже целые институты.

Говоря о месте и роли научно-исследовательской деятельности ученых в университетах, нельзя умолчать и о том, что методическое обеспечение самого процесса образования выстраивается на научном фундаменте. То, что называют методикой обучения, является по сути предметом науки - педагогики и психологии образования. От постановки последними соответствующих исследовательских задач и достигаемых при этом результатов в немалой степени зависят конечные итоги деятельности университета как образовательного учреждения.

Наука, таким образом, в разных своих проявлениях и институциях была и остается одним из факторов эволюции университетов.

Полоса исторического развития университетов во второй половине XX века начинает существенно меняться. Это было связано с глобальными процессами научно-технической революции, выходом цивилизованных стран на передовые рубежи технологического развития, формированием нового научно-технического пространства.

Неуклонно возрастающие потребности общества в специалистах высшей квалификации инициируют дальнейший рост университетов, которые начинают превращаться в своего рода учебно-научные мегаполисы, насчитывающие в своих странах десятки тысяч

студентов, преподавателей и научных сотрудников - так называемые мультиверситеты (К.Керр).

Окидывая взором современный этап развития университетов, мы хотели бы остановиться на одной знаковой тенденции, обозначившейся в мире, начиная со второй половины прошлого столетия. Речь идет о безудержных устремлениях всякого рода учреждений вузов придать последним во многих случаях статус университетов. В недалеком прошлом эти новоявленные университеты вполне успешно выполняли свои функции как однопрофильные учебные учреждения высшего профессионального образования - технические, технологические, педагогические, медицинские, юридические и т.п. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, они мгновенно превратились в университеты. Вероятно, не последнюю роль сыграла глубоко укоренившаяся в сознании общественности привлекательность этого типа учебного заведения.

Дело, однако, не в симпатиях и антипатиях к университетам. Проблема в другом: сменить вывеску учебного заведения легче всего. А вот нужно ли это делать безо всякой подготовки, не приведет ли это к потере лица новоиспеченных университетов? Ухищрения такого рода, когда в новых университетах открываются некоторые социально-гуманитарные кафедры и даже факультеты, как говорится, «на пустом месте», вряд ли может восполнить дефицит того, что называется подлинным университетом.

4. Казанский университет.

История Казанского университета, учрежденного ровно 200 лет назад в тогда еще малопросвещенном крае, на стыке Европы и Азии, и метаморфозы, которые он претерпел вместе со сменой социальных и образовательных эпох за эти два столетия всецело подтверждают сказанное выше об облике и миссии классического университета, о его современных проблемах и задачах. Можно было бы добавить к этому, пожалуй, лишь следующее. То, что было сказано ранее о становлении и предназначении классического университета вообще, справедливо и в отношении Казанского университета. Тем более, что он изначально предполагался как классический университет, т.е. как учреждение, долженствующее воплотить в себе как раз те цели, о которых говорил В.Гумбольдт в приведенной ранее цитате. Но в «личном деле» Казанского университета есть характеристики, которые не присущи в целом европейскому классическому университету и которые являются следствием некоторых принципиальных отличий наших университетов от западных.

Причем эти отличия имеют такое важное значение для характеристики российского университета как учебного заведения, что мы, пожалуй, вправе говорить, имея в виду эти его особенности, о российском классическом университете.

Нет необходимости сколь-нибудь подробно говорить здесь об истории Казанского университета - в самых общих чертах она хорошо известна; некоторые размышления по поводу этой истории были представлены в числе прочих и авторами данной статьи¹. Но отдельных моментов этой истории нам все же придется коснуться, чтобы обосновать сделанное выше утверждение о правомерности вести речь о российском классическом университете.

Первая особенность наших университетов (если проследить их историю), резко выделяющая их в сравнении с западно-европейскими, в том, что все они были учреждены волею государства, верховной власти, причем именно как государственные учреждения, а вовсе не были вызваны к жизни самостоятельно, из потребностей умственного движения самого общества, как это было на Западе. Казанский университет, появившийся в силу императорского Указа от ноября 1804 года, в этом смысле есть классический российский университет (как впрочем и учрежденный спустя три месяца Харьковский, а до них Московский). В этом есть свои плюсы и минусы, но это, безусловно, своеобразие наших университетов.

Минусы - в ограничении академических свобод, доходившем порой до полного их сворачивания, в подчинении образовательной деятельности практическим и идеологическим целям государства, во включении университетов в государственную бюрократическую систему, хотя и на особом положении². Причем, если европейские университеты, отстаивая свои права от внешних посягательств, могли воспользоваться, как отмечалось ранее, противоречиями интересов сил, претендовавших на опеку над университетом: церкви, королевской власти, коммун, то российский университет был лишен и этой возможности. В силу полного срастания церкви и государства последнее в лице попечителей учебных округов, в лице своих представителей непосредственно в университете выполняло не только политические надзирательные функции, но было и источником духовной цензуры.

Однако (и это уже плюсы), вряд ли можно было бы надеяться, что в огромной и отсталой империи, с плохо развитыми и никогда не бывшими вольными городами и преимущественно сельским населением, многоплеменным и многоконфессиональным, со

¹ См.: Университет. Общество. Человек. История экономической и философской мысли в Казанском университете. - Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2003.

² «У нас не может быть той свободной науки, - писал Н.П.Загоскин, автор «Истории императорского Казанского университета», - которая составляет необходимое условие европейских университетов». - Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета. - Казань, 1902. - С.XVII.

слабыми традициями просвещения, с почти полным отсутствием науки и опыта научных дискуссий, при господстве византийского православия, с подозрением (мягко говоря) относившегося к «мудрости мира сего», тем более, если она была заклеена связью с еретическим «латинством», - вряд ли при всем этом можно было надеяться, что «наука и высшее образование в нашем отечестве (станут) свободным актом самого общества»¹, выражаясь словами Н.Булича, воспитанника и некогда ректора университета. Достаточно напомнить о том совершеннейшем равнодушии, непонимании и даже недоброжелательности со стороны местного населения, включая и «образованное сословие», с какими были встречены открытие в городе Казанского университета.

Эта планомерная деятельность «просвещенной монархии» по учреждению в России науки и университетского образования², а также государственная опека над ними, включая и приглашение первоклассных иноземных профессоров («под гарантии государства!»), безусловно, способствовали тому, что наши университеты, в том числе и Казанский, достаточно быстро окрепли, встали на ноги и вскоре достигли вполне приличного европейского уровня. Им не пришлось пережить ни периода долгого внутриутробного развития, неизбежного при «самостийном» становлении университетов, ни мучительного поиска оптимальных форм университетского образования, через который прошли университеты европейские - российские университеты заимствовали уже сложившиеся и опробованные модели его. Хотя, конечно, судьба российского университета складывалась не просто: Казанскому понадобилось 10 лет для не формального только, а настоящего, полного, соответствующего своему статусу, открытия. И еще несколько десятилетий, чтобы стать европейски известным, благодаря своим ученым, естественникам и профессорам Восточного разряда. В любом случае это совсем немного для того, чтобы на равных войти в семью европейских классических университетов, исчислявших свою историю веками.

Рассмотренная здесь особенность российского классического университета обусловила и другую. Наши университеты не только вызвали умственную и культурную жизнь одним фактом своего существования (так что их пробуждением у нас мы почти всецело обязаны университетам)³, но создателями университетских проектов им напрямую вменялась культурно-просветительская деятельность даже едва ли ни на уровне «всеобуча», непосредственное руководство (методологическое, организационное и т.д.) этой образовательной деятельностью. Так, Казанский университет был центром гигант-

¹ Булич Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Ученые записки императорского Казанского университета. - Казань, 1875. - С.3.

² Еще при Екатерине Великой было запланировано открытие в стране нескольких университетов.

³ «Всем, что в Поволжье есть культурного, мы обязаны Казанскому университету», - писал один из его воспитанников. - Бобровников В.А. Об учреждении Востоковедной комиссии. - Казань, 1919. - С.200.

ского учебного округа, вмещавшего едва ли ни две Европы: от Пензенской и Тобольской губерний на западе до окраин Сибири на востоке. Таким образом, университет как императорское учреждение выполнял государственную же задачу - просвещение и школьное дело (при отсутствии гражданского общества и тотальном слиянии государства и общества это, безусловно, государственная функция). Позднее, правда, университеты были освобождены от этой обязанности, но для характеристики российского классического университета, для отгнетения исходных принципов его становления эта особенность весьма существенна.

Вовсе не важно, что этот лик российского университета был порожден общей культурной и образовательной отсталостью России, слитностью государства, общества и церкви, ограниченностью по сравнению с Европой каналов просвещения и распространения знания. Университет выполнял не только свою непосредственную, «статусную» работу, но еще вот эту, изложенную выше, в отличие от европейских университетов, функции которых были очерчены рамками учено-научной и преподавательско-университетской деятельности.

Еще одна особенность российского классического университета связана с ограниченным количеством научных, исследовательских прежде всего, учреждений (в период становления университетов) при гигантских размерах государства с ярко выраженными региональными различиями внутри него, при обширном этнокультурном различии его населения, имеющего не только общероссийскую историю, но и национальнообособленную (в отличие от европейских стран, большинство из которых этнически и конфессионально в основе своей однородны, а народы их имеют единую историю, несмотря на провинциальные различия, которые во всяком случае не могут быть столь же значимы, как своеобразие истории народов такой страны, как Россия, раскинувшейся в евроазиатском пространстве).

Европейский университет возникает сначала как *Stadium generale* - всеобщая школа (имеется в виду интернациональный характер учеников, обучавшихся в этих школах). Потом они превращаются в университеты - корпорации преподавателей и студентов, распределенных по факультетам - отраслям знаний (отсюда *universitas* - совокупность). Такой типично - совокупный характер носят в дальнейшем европейские университеты, мало чем отличаясь друг от друга. И если можно говорить о специфике отдельных европейских университетов, то она заключается в преимущественном развитии какой-нибудь отрасли знания (факультета), традиционно представленного, в общем-то, и во всех других университетах. Так, Болонский университет отличался преподаванием римского права, в

Салерно преобладало изучение медицины, а Париж славился своим философским факультетом. В этом, как правило, заключалось основное различие между университетами Европы.

В России в силу причин, отмеченных выше, университеты, являясь также, как и европейские, совокупностью традиционных факультетов (у нас, впрочем, никогда не было теологического) отличались не только особенной известностью каких-нибудь научных школ, но и ярко выраженными региональными особенностями культурологического характера, нацеленностью на обслуживание местных задач. В научно-исследовательском отношении это означало необходимость междисциплинарного сотрудничества, концентрации усилий разных факультетов на выполнение этого «местного заказа» или во всяком случае предполагало проведение внутри научных дисциплин (теоретических и прикладных), которых не было в них, в их «чистом», классическом, канонизированном европейской наукой варианте.

Так, «характеристическую особенность, отличавшую Казанский университет среди прочих высших рассадников образования в империи»¹ создавал знаменитый «Восточный разряд», ставший в 30-50-е годы XIX в. главным востоковедческим центром России и одним из крупнейших таковых в мире.

Быть может, Казанский университет именно этой своей характеристической особенностью более чем какой-нибудь другой из российских университетов демонстрирует рассматриваемую здесь специфику российского варианта классического университета. Дело в том, что Казанский университет возник в евразийском культурно-историческом пространстве, который сочетал в себе традиции, дух, взаимовлияния западной и восточной культур; Казань в силу своего географического, геополитического положения была естественным центром развития ориенталистики, а Россия «опиралась на Азию», последняя была ее вторыми легкими. Пренебречь возникшей в этом крае концентрацией научных сил и не воспользоваться ими для удовлетворения насущнейших потребностей государства, евразийского по своей природе, по генезису, а следовательно, и по своей судьбе было просто невозможно (пусть эти потребности первоначально и осознавались как сугубо утилитарные: подготовка миссионеров, переводчиков, изучение специфики «туземного» населения в интересах эффективности колониальной политики).

С другой стороны, само «геополитическое» положение Казанского университета просто объективно (в том числе в силу потребности удовлетворить научный интерес, исследовательское любопытство к рядом «лежащему», доступному, но мало изученному материалу) подвигало его к названной «характеристической особенности». Основанием и

¹ См.: История отечественного Востоковедения до середины XIX века. - М., 1990. - С. 139.

главной причиной открытия университета именно в Казани было вовсе не ее геополитическое положение в центре российской евразии, не осознание действительных интересов российского двуглавого орла, а наличие в Казани старейшей гимназии. Однако уже Устав 1804 года предусматривал кафедру восточных языков (предполагалось при ней иметь и лектора татарского языка), а в дальнейшем очень быстро появляется ряд востоковедческих кафедр (некоторые из них впервые в Европе).

Таким образом, «характеристическая особенность» Казанского университета была неизбежна, а на этом примере видно, что неизбежным было и возникновение у российских университетов особенностей в сравнении с европейскими университетами, формирование российского варианта классического университета. Причем, рассматривая подразумеваемую здесь особенность наших университетов на примере Казанского университета, важно подчеркнуть, что мощнейшим направлением казанской ориенталистики было не просто развитие востоковедческих дисциплин, находившихся в центре внимания и европейской ориенталистики, но в первую очередь тюркология, изучение российского Востока, культуры, быта, нравов, истории народов Поволжья прежде всего. В свете сказанного нами ранее о коллективных и междисциплинарных научных усилиях, сориентированных на реализацию региональной особенности наших университетов, отметим, что не только преподаватели «восточного разряда» подвизались на этой почве, но и ученые других факультетов. Достаточно назвать имя знаменитого немецкого казанца К.Фукса, оставившего заметный след в изучении быта и истории народов Поволжского края.

Рассмотрение этой исторической особенности российских университетов - «региональная привязанность» при сохранении во всем остальном характера типично европейского учебного учреждения - дает повод коснуться некоторых острейших проблем современного высшего образования и не только российского. Такой характер российского университета, сложившийся именно в связи с особенностями российского исторического развития, как никогда удачно оказался вписанным в уже сегодняшние варианты решения потребностей образовательного процесса, в котором особо важное место, могущее в дальнейшем только становиться еще более значимым, принадлежит региональному университету. Вот как особенности регионального университета представляет В.Тейлор, вице-канцлер Гулльского университета в Англии: дать возможность взрослым учиться по месту жительства; создавать программы переквалификации для местных социальных групп; участвовать в решении проблем занятости населения¹.

Соглашаясь с тем, что эта характеристика регионального университета уместна и при том чрезвычайно важна (учитывая в первую очередь функционирование институтов

¹ Цит. по: Alma Mater, 1991.- №9.- С.88.

образования в рыночных условиях), полагаем, что понятие «региональность» в данном контексте нельзя сводить только к нацеленности университета на приходящие социально-экономические региональные нужды. Учитывая исторический опыт российского регионального университета, могли бы сказать, что региональность - отражение культурно-национального своеобразия региона, которая применительно к университету порождает особенности его миссии, в первую очередь культурно-созидающей и духовной.

Наконец, скажем еще об одной, на наш взгляд, выдающейся особенности наших университетов, отчетливо выделяющей российский вариант классического университета. В отличие от европейского университета, готовившего в первую очередь специалиста, профессионала, российский изначально предполагал, что его выпускники не только должны быть узко-профессионально подготовленными, но и людьми, с развитым чувством долга перед Отечеством, перед народом, подготовленными к гражданскому служению, которое они воспринимают как саму собой разумеющуюся составляющую их профессиональной подготовки, священную обязанность.

«Ум», пестовавшийся в российских университетах, не мыслился отделенным от «совести» и «чести». На это было нацелено в наших университетах все обучение. В них, говорил казанский профессор И.А.Иванов, «знание и чувство, опыт и мысль, школа и общественность постигли взаимное значение, выполняются, поддерживаются одно другим».

Отчетливое понимание этой особенности российского университета, выделявшей его среди европейских, было присуще и самим служителям отечественной науки. «Европейскому ученому, - писал профессор физико-математического факультета университета А.Васильев, - грозит опасность выродиться в узкого специалиста, дорожащего притом исключительно утилитарными приложениями своей науки. Стремления университета должны быть направлены к выработке в слушателях... философского мирозерцания и ... гуманного направления²».

Впрочем, осознание этого факта обнаруживают сегодня и западные специалисты. «Основной угрозой университетам со времен Болоньи, Парижа и Оксфорда и вплоть до недавно созданных, - говорит Брайан Морис из Франции, - является ложно понимаемый профессионализм и благовидный утилитаризм нашего времени, видящего в университетах лишь средство подготовки национальной рабочей силы³». То, что эта исторически сложившаяся особенность наших университетов, обусловленная характером и духом российской истории, своеобразием генезиса *universitas* в России как бы волею providения оказа-

¹ См.: Корбут М.К. Казанский университет за 125 лет. - Казань, 1930. - С. 69.

² Васильев А. Университет и национальное воспитание. - Казань, 1901. - С. 12.

³ Цит.по: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре.- М., 1994. - С. 231.

лась «перспективной», востребованной перед лицом «основной угрозы университетам» в условиях рыночного общества также очевидно. «Если только мы полагаем, - продолжает Брайан Морис, - что деньги - не основная ценность и не конечный арбитр в человеческих делах, значит, мы должны быть готовыми к формулированию новой концепции полезности университета. Только она спасает университет от превращения в обычную профессиональную школу или специализированный исследовательский институт ».

Как видим, обращение к истории университетского образования в России, которое неизбежно приводит нас к убеждению в правомерности говорить о российском варианте классического университета имеет не только исторический интерес, а дает кое-что существенное для понимания истоков и характера современных проблем в образовании, а также, вероятно, и в оценке вариантов их разрешения.

Проблемы эти и без того острые в условиях информационного рыночного общества еще более осложняются в связи с Болонским процессом (сама необходимость которого в свою очередь вызвана объективными требованиями этого общества). В связи с декларированным намерением России присоединиться к этому процессу серьезные, судьбоносные вопросы встают перед нами. Что приобретет Россия от Болонского процесса? Что потеряет? Каковы риски?

Здесь мы ограничимся только перечислением принципиальных проблем сегодняшнего высшего образования, классического университета в частности, так как их анализ предполагает отдельное исследование.

Как совместить классическое предназначение университета с реалиями высокотехнологического общества? Как сохранить культурно-духовную специфику в условиях глобализации? Как противодействовать ослаблению идеи гражданского служения? Как не превратиться (имея в виду уже Болонский процесс) в интеллектуальный придаток Европы по типу сырьевого? Как сохранить качество фундаментальной подготовки в условиях востребованности узкоспециального и утилитарного образования? Как сохранить культурную идентичность в условиях унификации образования?

И это далеко не все. Очевидно, что под натиском вышеназванных вопросов и угроз к проблеме надо подходить со знанием дела, в данном случае с осознанным представлением об особенностях российского университета, его слабых и сильных, случайных и атрибутивных сторон. А это как раз даст понимание того, что мы можем приобрести, а что потерять.